

В. А. Томсинов

**«Тестамент,
блаженной памяти,
императрицы Екатерины I»:
комментарий**

Опубликовано в издании:

**Законодательство Екатерины I и Петра II / Составитель
и автор вступительных статей В. А. Томсинов.
М.: Зерцало, 2009. С. XXIV–XXXII.
(Серия «Русское юридическое наследие»)**

«Тестамент, блаженной памяти, Императрицы Екатерины I»: комментарий

Первым законодательным актом Петра II стал Манифест от 7 мая 1727 года «О кончине Императрицы Екатерины I и о восшествии на престол Императора Петра II». В «Полном собрании законов Российской империи» он был напечатан вместе с текстами присяги «истинному Государю Петру Второму, Императору и Самодержцу Всероссийскому» и духовного завещания (тестаента) Екатерины I¹. Восприятие императорского престола Петром II представлялось в Манифесте произошедшим на основании Устава «О праве наследия престолом», утвержденного Петром Великим 5 февраля 1722 года, и тестаента его супруги, подписанного «собственною Ее Величества рукою».

Смерть императрицы Екатерины I наступила в 9-м часу вечера 6 мая 1727 года. Высшие чины империи, находившиеся в это время в ее резиденции, восприняли данное событие вполне спокойно. Побыв недолго в царском дворце, они разъехались по домам. А утром снова прибыли сюда. Около 9 часов секретарь Верховного Тайного совета действительный статский советник Василий Степанов начал читать переданный ему князем Меншиковым тестамент Екатерины I собравшимся в зале членам Верховного Тайного совета, Духовного Синода, Высокого Сената и генералитета, а также присутствовавшим в этом собрании членам царской семьи: великому князю Петру Алексеевичу и его сестре великой княжне Наталье Алексеевне, цесаревнам Анне Петровне и Елизавете Петровне². «И по тому тес-

¹ ПСЗРИ. Том 7. № 5070. С. 788–791.

² См.: Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2000. С. 546–547.

таменту в 10-м часу принял императорский престол великий князь; и тако тем от Их высочеств и министров поздравлен. И в то же время вышереченное собрание и протчие бывшие тут присягали. Тогда с Санкт-Петербургской и Адмиралтейской крепостей, и с стоящих против Зимняго дому шнявы и з двух яхт была пушечная стрельба. А Его императорское величество изволил выйтить из зала перед полки лейб-гвардии Преображенской и Семеновской, которые в то время поставлены были вокруг того дворца; и оные полки Его величеству присягали. А в 11-м часу начался в придворной церкви литургия, которую изволили слушать Его императорское величество, Их высочества и господа министры. По окончании литургии изволили ж иттить в свои покои, а Его величество в свой покой, и королевское высочество, и великая княжна, и господа министры к Его величеству и при столе Его величества кушали¹.

Из этого описания церемонии возведения Петра II на императорский трон, приведенного в «Повседневных записках делам князя А. Д. Меншикова», видно, что была она по-будничному простой². Казалось, право внука Петра I на самодержавную власть никем не подвергалось сомнению, и он стал императором при полной поддержке всех высших чинов государства.

Внимательное чтение текста завещания Екатерины I, опубликованного в «Полном собрании законов Российской империи»³, разрушает это представление. Его содержание показывает, что восшествие малолетнего великого князя Петра Алексеевича на императорский престол стало результатом компромисса, заключенного между противоборствующими группировками влиятельных сановников.

¹ Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. С. 547.

² В описании, данном в «Протоколах Верховного Тайного Совета», церемония восшествия Петра II на императорский престол выглядит еще более обыденной: «После пяти часов утра съехались к Князю Меншикову Члены Совета, Архиереи, Генералитет и Сенат. Когда вышли Цесаревны и сам Наследник, тогда Меншиков распечатал завещание Императрицы Екатерины и Степанов прочел оное. В последствии времени подлинное завещание сожжено было Императрицею Анною; все присягнули новому Императору. Пальба была с крепости; полк Преображенский, стоя против Дворца, громко приветствовал его. В тот же день изготовлен был Манифест о вступлении Петра II на престол» (Протоколы Верховного Тайного Совета // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1858. Кн. 3. Июль–сентябрь. С. 46.

³ См. стр. 155–157 настоящего издания.

Юридическое оформление данного компромисса и было главной функцией так называемого «тестамент» Екатерины I. Сама императрица и некоторые сановники из ее окружения были заинтересованы в том, чтобы самодержавную власть унаследовала одна из ее дочерей — Анна Петровна или Елизавета Петровна¹. Однако многие влиятельные сановники выступали за передачу императорского трона Петру Алексеевичу. На их сторону склонился в конце концов и князь Меншиков, который в свою очередь убедил государыню назначить великого князя наследником императорского престола. Суть компромисса между двумя группами сановников по вопросу о престолонаследии после Екатерины I заключалась в следующем: одиннадцатилетний Петр Алексеевич объявляется новым самодержцем всероссийским, однако фактическая власть сосредотачивается на время его малолетства в регентском совете, в состав которого входят обе цесаревны — Анна и Елизавета, муж Анны — Карл-Фридрих, герцог Шлезвиг-Голштинский и девять членов Верховного Тайного совета. Данный совет получает правомочие осуществлять «полную власть правительствующего самодержавного государя» за одним исключением: он не может отменять норм о престолонаследии, установленных в завещании Екатерины I. Наследником самодержавной власти в том случае, если Петр II умрет бездетным, становится сначала цесаревна Анна и кто-либо из ее детей, затем цесаревна Елизавета и кто-либо из ее детей, а после нее великая княжна Наталья Алексеевна и кто-либо из ее детей. Император Петр II женится на дочери князя Меншикова. Выражением политического компромисса между противоборствовавшими группировками русской знати были все вообще пункты завещания Екатерины I, но указанные положения составляли ядро этого компромисса. Достигнут он был еще

¹ Секретарь посольства Франции в Санкт-Петербурге Маньян (*Magnan*) сообщал в одной из своих депеш в Париж о том, что «за несколько дней до смерти царица самым положительным образом объявила Меншикову, что желает, чтобы ей наследовала на престоле цесаревна Елизавета» (Дипломатическая переписка французских послов и посланников при русском дворе. Часть 6. Донесения французского полномочного министра при Русском дворе Кампредона и поверенного в делах Маньяна, 1726 и 1727 г. по 7 мая // Сборник Императорского Русского исторического общества (далее: Сборник ИРИО). Том 64. СПб., 1888. С. 576). О том, что Екатерина I желала передать самодержавную власть одной из своих дочерей — цесаревне Анне или Елизавете — говорил в беседе с датским послом и князь Меншиков, поясняя при этом, что «ее сознание в это время было не совсем ясным» (цит. по: *Брикнер А. Г.* Россия и Дания при императрице Екатерине I // Русская мысль. 1895. № 9. С. 27).

до кончины императрицы. Но вряд ли Ее Величество подписала текст завещания собственной рукою. Саксонский посланник в России Иоганн Лефорт записал в своем дневнике 27 сентября 1727 года: «По-елику принцесса Елизавета подписывала все от имени царицы, герцог Голштинский и Меншиков подали ей и сие завещание, о коем несчастная покойница совершенно ничего не знала»¹. Президент Тайного совета герцога Шлезвиг-Голштинского Геннинг-Фридрих Бассевич (Бассевиц), отвечая в 1728 году на запрос Верховного Тайного совета, признавался, что именно он «в самой скорости помянутое завещание сочинил»². Думается, это признание было искренним: шесть из шестнадцати пунктов тестаменты Екатерины I касались в той или иной мере интересов герцога Шлезвиг-Голштинского. Так, он включался в состав регентского совета, его двоюродный брат Карл-Август получал в жены цесаревну Елизавету, Российское государство и великий князь Петр Алексеевич обязывались содействовать возвращению Шлезвига, захваченного Данией во время Северной войны, под власть герцога Шлезвиг-Голштинского. Датский посол в России³ М. Вестфален (*M. Westphalen*) в своей записке королю Дании Фридриху IV, составленной в начале 30-х годов XVIII века, сообщал, что в последние часы жизни Екатерины I Бассевич и Штамбке, советник герцога Шлезвиг-Голштинского, составили немецкий текст завещания, который кто-то из русских сановников начал сразу же переводить на русский язык. Императрица скончалась до завершения этой работы, поэтому цесаревна Елизавета подписывала русский текст завещания после ее смерти, но будто бы «с великой радостью в сердце после того, как прочла статью, разрешавшую ей выйти замуж за князя-епископа Любека». По этой причине Вестфален называл текст духовного завещания, оглашенный на следующий день после кончины Екатерины I, «величайшим подлогом»⁴. Сообщение датского посла о том, что первоначальный вариант тестаменты был написан на немецком языке, подтверждается свидетельством шведского посланника в России барона Германа Цедеркрейца, который сообщал в одной из своих депеш, что немецкий текст завещания не успели

¹ Цит. по: *Тургенев А. И.* Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005. С. 39.

² Цит. по: *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003. С. 128.

³ С февраля 1715 по июнь 1717 г. и с апреля 1721 по 1734 г.

⁴ Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Фонд 11. Оп. 1. № 69. Л. 3.

перевести на русский язык до кончины императрицы, а потому в спешке был составлен некий русскоязычный «экстракт», который и подписала Елизавета¹. О том, что именно цесаревна Елизавета подписала «набросок завещания» императрицы, сообщал и французский дипломат Маньян².

Рукопись духовного завещания (тестамент) Екатерины I, на основе которой был изготовлен печатный текст этого документа, опубликованный в «Полном собрании законов Российской империи», подписана словом «Екатерина», но почерк этой подписи совершенно аналогичен почерку подписи, которую поставила цесаревна Елизавета на протоколе собрания, в котором было оглашено завещание императрицы³. Данный текст действительно изложен в краткой форме и имеет в своем содержании погрешности, которые могли быть результатом большой спешки при его написании.

Так, после первых пунктов, которыми наследником императорского престола со всеми правами и прерогативами, принадлежавшими императрице Екатерине I, провозглашается великий князь Петр Алексеевич, следует пункт, устанавливающий, что до определенного возраста он не имеет права управлять страной. Однако до каких именно лет, не указано: там, где должна стоять цифра, обозначающая их количество, сделан пробел. Одиннадцатый пункт тестаменты Екатерины I изложен таким образом, что получается полная бессмысленность: согласно ему, Карл-Август, герцог Шлезвиг-Голштинский и епископ Любецкий⁴, берет в жены дочь Петра I Елизавету, и при

¹ См. об этом: *Брикнер А. Г.* Россия и Дания при императрице Екатерине I. С. 28–30.

² Дипломатическая переписка французских послов и посланников при русском дворе. Часть 7. Донесения французского поверенного в делах при русском дворе Маньяна (годы с 1727 по 1730), и предписания французского министерства // Сборник ИРИО. Том 75. СПб., 1891. С. 70–71.

³ В указанном протоколе говорится о том, что 7 мая 1727 года тестамент ее императорского величества в Верховном Тайном совете «при присутствии его императорского величества и как духовных, так и свецких слушали и во всем потому исполнять должны и повинны». Этот документ подписан императором Петром II, великой княжной Натальей Алексеевной, герцогом Шлезвиг-Голштинским Карлом-Фридрихом, цесаревнами Анной и Елисаветой, членами Верховного Тайного совета, Духовного Синода и представителями генералитета. См.: РГАДА. Фонд 2. Оп. 1. № 21. Л. 6–7.

⁴ Карл-Август, герцог Шлезвиг-Голштинский и одновременно епископ Любецкий (Karl August von Schleswig-Holstein-Gottorp, 26.11.1706–31.05.1727) приходился двоюродным братом Карлу-Фридриху, герцогу Шлезвиг-Голш-

этом цесаревнам и «правительству администрации» Российской империи поручено постараться женить его еще и на дочери князи Меншикова¹. Двенадцатый же пункт в этом документе вовсе отсутствует. 25 мая 1727 года княжна Мария Александровна Меншикова была обручена с императором Петром II. Очевидно, что именно его имя должно было стоять в последнем предложении одиннадцатого пункта. И скорее всего именно его браку с дочерью Меншикова был посвящен отсутствующий пункт завещания Екатерины I.

19 мая 1727 года Геннинг-Фридрих Бассевич обратился к членам Верховного Тайного совета с просьбой, чтобы «Цесаревнам, Анне и Елисавете, дали две освидетельствованные копии с завещания Императрицы»². Решение, принятое верховниками в ответ на эту просьбу, не нашло отражения в протоколе данного заседания Совета. Но в конце его была сделана следующая запись: «Пред выходом из собрания духовная Императрицы Екатерины запечатана печатию канцлера и положена в шкапулку, где хранятся государственные печати»³.

10 августа 1730 года «завещательное письмо» Екатерины I было передано канцлером Гавриилом Ивановичем Головкиным императрице Анне Иоанновне⁴. О возвращении же его на прежнее место хранения никакой записи нет. В начале правления Елизаветы Петровны А. И. Остермана спрашивали об этом событии: он отвечал, что не помнит, кто и когда передавал завещание Екатерины I Анне Иоан-

тинскому (1700–1739), который являлся супругом старшей дочери Петра I Анны Петровны. Родной же сестрой Карла-Августа была Иоганна Элизабет фон Шлезвиг-Гольштейн-Готторп (1712–1760) — мать российской императрицы Екатерины II.

¹ «Принцессу Елизавету имеет Его любовь Герцог Шлейзвиг-Голстинский и Бискуп Любецкий в супружество получить, и даем Ей Наше Матернее благословение; тако же имеют Наши Цесаревны и Правительство Администрации стараться между Его любовью и одною Княжною Князя Меншикова супружество сочинить».

² Протоколы Верховного Тайного Совета. С. 47.

³ Там же.

⁴ Об этом свидетельствует запись, сделанная Г. И. Головкиным на последнем листе одной из копий тестаменты Екатерины I, хранящейся в Российском государственном архиве древних актов: «1730 августа 9 день в воскресение в Ызмайлове ее величество государыня императрица изволила мне приказать, чтоб прислать завещательное письмо императрицы Екатерины Алексеевны с Васильем Степановым, и то письмо назафтрея 10 числа послал я в Ызмайлово к ее императорскому величеству с Васильем Степановым, запечатав, и он, отвесчи, мне сказал, что он вручил самой ей, государыне, то письмо» (РГАДА. Фонд 2. Оп. 1. № 21. Л. 14).

новне, и совершенно не знает, что сделалось потом с указанным документом. В этой связи весьма любопытным представляется замечание, вставленное в протокол заседания Верховного Тайного совета, которое состоялось 7 мая 1727 года: «В последствии времени подлинное завещание сожжено было Императрицею Анною»¹. Интересно, какой документ считался автором этого замечания «подлинным» текстом завещания Екатерины I? — Тот, который был зачитан Василием Степановым на следующий день после ее смерти? Или его текст на немецком языке, составленный в последние часы ее жизни?

Елизавета Петровна после того, как стала императрицей, предприняла попытку найти подлинный вариант духовного завещания своей матери. В самом конце августа 1741 года государыне передали текст этого документа, хранившийся в Коллегии иностранных дел, но Елизавета, ознакомившись с ним, продолжила поиски подлинника завещания Екатерины I. Отсюда очевидно, что она не считала сохранившийся и впоследствии напечатанный М. М. Сперанским в «Полном собрании законов Российской империи» текст екатерининского тестаменты подлинным. Таковым был, вероятней всего, текст этого документа, написанный на немецком языке.

Существование подобного текста подтверждается многими фактами. Так, немецкий вариант духовного завещания Екатерины I упомянут в «реестре писем и бумаг» А. И. Остермана и Г. И. Головкина, составленном в Коллегии иностранных дел². Более того, в 1727 году текст завещания императрицы, изложенный на немецком языке, был напечатан в Стокгольме под наименованием «Testament ihro kaysrl. Majestat Catharina Alexiejowna selbsthalterin von Russland»³. Любопытно, что в нем был указан конкретный возраст, до которого Петр II «не имеет за юностью в Правительство вступать», — 16 лет, и приведен двенадцатый пункт, пропущенный в тексте завещания Екатерины I, опубликованном в «Полном собрании законов Российской империи»: содержание данного пункта посвящено браку императора Петра II с дочерью князя Меншикова. Все это заставляет думать, что настоящая история создания документа, обозначенного как «Тестамент, блаженной памяти, Императрицы Екатерины I», намного

¹ Протоколы Верховного Тайного Совета. С. 46.

² РГАДА. Фонд 1261. Оп. 1. № 388. Л. 1 об.

³ Один из экземпляров данного текста завещания Екатерины I, самодержицы российской, хранится в Российском государственном архиве древних актов. См.: РГАДА. Фонд 2. Оп. 1. № 22. Л. 1–10.

сложнее той, которая рисуется в записках современников и в трудах историков. Тот факт, что «Тестамент ее императорского Величества Екатерины Алексеевны, самодержицы России» был напечатан в Швеции, наводит на мысль о том, что создавался он не только для урегулирования проблемы престолонаследия внутри Российской империи: этот документ должен был одновременно выразить внешнеполитические притязания герцога Шлезвиг-Голштинского. Если взглянуть на него с этой точки зрения, то становится очевидным, что статьи с тринадцатой по пятнадцатую¹ были не придатком к другим статьям, но составляли главное в его содержании.

Значение документа, названного «тестаментам» Екатерины I, выходило за рамки обыкновенного завещательного распоряжения о престолонаследии и по другой причине. В нем определялся не только ее преемник на императорском престоле, но и порядок наследования самодержавной власти после него — в случае, если Петр II умрет бездетным. Тем самым явно нарушался Устав Петра I от 5 февраля 1722 года «О праве наследия престолом». По смыслу статей этого Устава, правящий император мог назначить наследника только себе и не мог определять за последующих самодержцев, кто станет их наследником. В свете этого выглядит вполне закономерным появление 26 июля 1727 года Именного, состоявшегося в Верховном Тайном совете указа «Об отобрании Манифестов, выданных в бывшей розысканой канцелярии». «Его Величество указал, — говорилось в этом узаконении, — выданные в народ в прошлых годах Манифесты, которые публикованы по делам, бывших в Розысканой Канцелярии, под ведением Петра Толстого, где оные ныне налицо есть, та-

¹ «13. Его Королевского Высочества Герцога Голстинского дело Шлейзвигского возвращения, и дело Шведской короны по взятым обязательствам, имеет накрепко исполнено и Российское Государство, так как и Великий Князь к тому обязаны быть; что же Его Королевское Высочество Герцог здесь по се число получал, не имеет никогда назад требовано или на счет поставлено быть. 14. Все сие имеет тотчас по смерти Нашей, кроме что до пункта Его Королевскому Высочеству праведно принадлежащей сукцессии и Швеции касается, опубликовано, присягою утверждено и твердо содержано; а кто тому противен будет, яко изменник наказан быть, и Римского Цесаря гарантии на сие искать. 15. Фамилия, между собою, имеет под опасением Нашей Матерней клятвы согласно жить и пребывать и Великому Князю Голстинского Дому, пока Нашей Цесаревны потомство оным владеть будет, не оставлять, но по получении совершенного возраста, чего еще не достанет, исполнять. Напротив того и Голстинский Дом и Его Королевское Высочество, когда Герцог Шведский престол получит, тоже с Россией чинить имеет».

кож и те, которые разосланы были и в Коллегии, и Канцелярии, и в Губернии по городам и по церквам, все собрать в одно место, а именно: в Санктпетербурге, и ближних сюда Губерний в Сенат, а в Москве и прочих ближних к ней Губерний в Сенатскую Кантору, чтоб впредь ни в которых Коллегиях и Канцеляриях, також и в городах по Канцеляриям же и по церквам, оных отнюдь не было и не читали. А которые всяких чинов люди такие Манифесты в домах своих имеют, тем приносить и отдавать в Санктпетербурге в Сенат, а в Москве — в Сенатскую кантору; а которые живут в других городах и уездах, тем отдавать каждому в своем городе Губернаторам или Воеводам, которые у них принимать с записками, а им, Губернаторам и Воеводам, оные присылать в Москву, в Сенатскую Кантору; и впредь никому тех Манифестов в домах своих ни под каким видом не держать и не читать. А кто, имея у себя те Манифесты в домах и не объявит, или из Коллегий или Канцелярий собрав, в те места не отдадут: за то те люди отданы будут к суду. А в которых годах и месяцах, и числах те Манифесты печатаны и в народ выданы, тому при сем указе сообщена роспись»¹. В росписи назывались в числе узаконений, подлежащих изъятию и, следовательно, фактически отмененных, Манифест от 3 февраля 1718 года «Об отрешении от наследия Его Царского Величества перворожденного сына Царевича Алексея Петровича» и Устав от 5 февраля 1722 года.

Юридическая сила петровского Устава «О праве наследия престола» будет восстановлена Манифестом императрицы Анны Иоанновны «Об учинении присяги в верности Наследнику Всероссийского престола, который от Ее Императорского Величества будет назначен», принятым 17 декабря 1731 года².

¹ ПСЗРИ. Том 7. № 5131. С. 831–832.

² ПСЗРИ. Том 8. № 5909. С. 601–603. См. полный текст Манифеста от 17 декабря 1731 г. в издании: Законодательство императрицы Анны Иоанновны / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2009.